

**Книжная
зависимость**
18 марта 2026

Владимир Попов

**Китайская модель.
Почему Китай
отставал от Запада,
а теперь его
обгоняет**

Рецензент: Валерий Федоров
Выходные данные: М.:
Fortis Press, 2025

Крупный современный российский экономист Владимир Попов не является синологом, но давно и с большим интересом изучает Китай. Его новая книга посвящена динамике экономического развития этой страны, которая буквально на наших глазах из развивающейся стремительно превращается в высокоразвитую. Дискуссии о причинах «китайского чуда» — самая горячая тема в мировой экономической науке, ведь получается, что только «Восточная Азия, базирующая в основном именно на китайской модели, знает великую тайну, неведомую другим странам». И эта модель, что бы там ни говорили на Западе, действительно существует! В отличие от неолиберальной экономической модели, которая находится в глубоком кризисе, китайская модель принесла очевидный успех — и продолжает это делать, несмотря на обилие западных прогнозов о скором крахе Китая. В чем же ее секрет?

Общего мнения на этот счет пока не сложилось. Либералы утверждают, что своим успехом китайцы обязаны рыночным реформам (дерегулирование экономики, низкие налоги, небольшое правительство, интеграция в мировую торговлю). Кейнсианцы и дирижисты возражают: открытых экономик в мире навалом, а успешных из них — кот наплакал. Значит, секрет не в либерализации, а в промышленной политике китайского правительства! Но и этого недостаточно, ведь много кто пытался ее проводить, обычно — с невыдающимися результатами. Попов предлагает собственную, более сложную интерпретацию причины «китайского чуда». Начнем с того, что в «мальтузианскую», т.е. аграрную эпоху (до конца XVIII) Китай был безусловным экономическим лидером всего мира, и ни она европейская, да и азиатская страна с ним и рядом не стояла. Критерий лидерства тогда был простым: способность прокормить растущее население, и Китай с этой задачей справлялся отлично! Увы, темпы мальтузианского экономического роста в принципе не могли быть высокими, поскольку медленно растущее богатство приходилось делить на быстро растущее население...

Нужно было найти выход из этой ловушки, и первой его нашла Англия. Она первой совершила промышленную революцию и установила новые правила игры, которые обесценили прежние достижения. Со временем импульс индустриализации охватил всю Европу, и европейцы поделили между собой практически весь мир, ведь теперь в войне побеждали не многочисленные армии, а технологически продвинутые и хорошо вооруженные! По поводу рецепта английского успеха тоже сломано немало копий. Его апологеты обычно говорят об изобретательности и предпринимательской инициативе англичан, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями прав собственности. Альтернативная точка зрения состоит в том, что английские лорды первыми решились на беспрецедентно жестокий передел собственности («огораживание» и все, что за ним последовало). Большинство населения страны было обречены на нищету ради стремительного обогащения правящей верхушки!

Именно она, эта жестокость, позволила «повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения „в металле“ через

возросшие инвестиции». Ускорение накопления капитала, обеспечившее впечатляющий успех английской модели, стало возможным «только из-за роста неравенства после экспроприации мелких земельных собственников», что привело к обнищанию масс, повышению смертности и росту социальной напряженности. По сути, это была многолетняя «холодная гражданская война»! Распространенная на весь мир благодаря колониализму, она привела развивающиеся страны к росту неравенства и повышению нормы накопления, — но одновременно обрушила качество их государственных институтов, что заложило опаснейшую мину под их экономический рост в будущем.

По-другому развивались события в Восточной Азии. «Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу населения в результате технического прогресса в XVI-XIX веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки — повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов. Эта группа мало вестернизированных развивающихся стран... задержалась на старте, то есть фактически не росла до середины XX века, но, когда смогла поднять норму накопления и запустить механизм роста, стала расти быстрее всех остальных благодаря способности сохранить относительно низкое неравенство и сильные госинституты». Итак, мы видим два пути прогресса: западный — травматичный, ведущий к росту неравенства, преступности, всевозможных девиантных проявлений из-за ослабления госинститутов — и дальневосточный, более органичный и спокойный, основанный на соединении технического прогресса и сохраняющихся сильных госинститутов, без чрезмерного роста неравенства и сопутствующих ему социальных девиаций.

Отставание Китая от Запада на этом фоне выглядит как временное, а его возвышение — как восстановление исторической справедливости. Сравнивая исторические пути России и Китая, Попов рассматривает их как реализацию двух разных вариантов выхода из мальтузианской ловушки. Россия пошла по пути вестернизации, начиная с Петра Великого, в этом контексте советский период может рассматриваться как срыв вестернизационной модели, после которого страна вернулась на прежний путь. В Китае же, напротив, вестернизация (между опиумными войнами и провозглашением КНР) была срывом, после которого страна вернулась на характерную для нее долговременную

траекторию «азиатских ценностей» и коллективистских институтов. Революция КПК защитила Китай от разлагающего иностранного влияния и позволила традиционным госинститутам укрепиться. Аналогично Япония, Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг сумели догнать Запад, не жертвуя при этом своими традиционными ценностями.

Их подъем, полагает автор, «является поворотным моментом мировой экономической истории» сразу по двум причинам: 1) именно здесь впервые догоняющее развитие оказалось успешным, 2) он основан на незападной экономической модели. Эта модель предполагает сохранение коллективистских («азиатских») ценностей, включая низкое неравенство и более высокое качество институтов, что дает менее болезненный выход из мальтузианской ловушки и более быстрый — и при этом более справедливый — экономический рост. Гораздо менее успешны оказались те страны Глобального Юга, которые скопировали западную модель, принесшую им ускорение ценой слома институтов, высокого неравенства, выросшей смертности и преступности. Где же произойдут следующие «экономические чудеса» — в условно демократических странах с условно свободным предпринимательством (Бразилии, Мексике, Индии, ЮАР) или в странах «азиатских ценностей» (на Ближнем Востоке)? От исхода этого соревнования, предполагает Попов, будет зависеть и то, какая идеология станет господствовать в мире XXI века!